

24 октября в музее Орсе открылась большая выставка, посвященная нашему выдающемуся соотечественнику, танцовщику и хореографу Вацлаву Нижинскому. Эта выставка, приуроченная к 50-летию со дня его кончины, подготовлена совместно музеем Орсе и стоковым Музеем танца при участии Национальной библиотеки Франции и хореографа Джона Ноймайера, обладателя одной из самых внушительных частных коллекций, связанных с именем Нижинского. Нынешней весной выставка проходила в Стокгольме и вот теперь переехала в Париж.

В трех больших залах музея в хронологическом порядке представлены фотографии, живопись, графика, скульптура, костюмы, так или иначе связанные с именем гениального танцовщика. Общеизвестно влияние «Русских сезонов», их эстетики на современное западное искусство. Но так же велико было личное влияние — или обаяние — самих артистов, участников того уникального, невиданного, «соборного» творческого процесса. В центре этого творческого внимания с самого начала «Русских сезонов» в Париже оказался Вацлав Нижинский, «Бог танца», как его сразу окрестили.

Начиная с ровесников Нижинского, молодой художницы Валентины Гросс и поэта Жана Кокто, даровитого рисовальщика, и кончая такими знаменитостями, как Роден или Бурдель, многие художники стремились запечатлеть его образ, как будто прозревая, что звезда эта будет гореть недолго. Нижинский при своей нагрузке не в силах был бесконечно позировать всем желающим, и Дягилев вынужден был строго ограничить также количество присутствующих на репетициях и за кулисами. Поэтому многие портреты написаны были по фотографиям. Жак-Эмиль Бланш, автор нескольких замечательных работ, посвященных гениальному танцовщику, пригласил для этой цели одного из лучших фотографов, Эжена Дрюэ, которого сам Роден выбрал для съемки своих скульптур. На выставке фотографии соседствуют с полотнами художников и с не меньшей долей поэзии являют нам этот удивительный образ. «Кто видел, как танцует Нижинский, останется навеки обездолен этой утратой и долго будет думать с содроганием о его уходе в бездну печального безумия», — писала поэтесса Анна де Ноай.

Бездна печального безумия поглотила Нижинского в 1919 г., после того как, проведя несколько меся-

цев в Швейцарии, он по инициативе родителей жены был помещен в клинику для душевнобольных. Это были месяцы лихорадочной творческой работы. Во-первых, Нижинский днями и ночами, как будто догадываясь, что времени ему остается мало, писал книгу, ставшую впоследствии бестселлером, — знаменитый «Дневник», первоначально увидевший свет со значительными искажениями текста и только в 1995 г. изданный сначала по-французски издательством «Акт сюд», а затем и на других языках, в том числе и на русском (в оригинале), а как раз перед началом выставки в музее Орсе переизданный с дополнениями: добавлена четвертая тетрадь, включающая неотправленные письма и стихи на русском, французском и польском языках. В этом послании в будущее уходящий в свое безумие, удаляющийся от семьи, от мира Нижинский пишет:

Смерть пришла неожиданно, ибо я ее хотел. Я сказал себе, что не хочу больше жить. Я жил мало. Я жил всего 6 месяцев. Мне сказали, что я сумасшедший. Я думал, что я живой. Мне не давали покоя. Я жил и радовался, а люди говорили, что я злой. Я понял, что людям надо смерти, и решил, что не буду больше ничего делать, но не мог. Я решил писать о смерти. Я плачу от горя. Мне очень скорбно. Я скучаю, ибо все кругом пусто. Я опустел. Я знаю, что горничная Луиза завтра будет плакать, ибо ей жалко будет видеть опустошение. Я снял все рисунки и картины, которые я работал в продолжение 6 месяцев. Я знаю, что

Нижинский в балете «Видение розы».

жена будет искать мои картины и не найдет. Я поставил мебель по-прежнему и абажур лампы прежний. Я не хочу, чтобы люди смеялись надо мною, и решил ничего не делать.

Эти «картины» — с детской старательностью раскрашенные цветными карандашами или пастелью рисунки, состоящие из почти идеально правильных окружностей и дуг, казалось бы, проведенных по лекалу, если бы не неподдельная цельность композиции, не печать скорой и уверенной руки. Целый ряд абстрактных, геометрических рисунков в центре, в ядре своем, скрывают одинокий глаз, глаз циклопа, пересекающийся с другими глазами в каких-то лабиринтах зазеркалья. Этот глаз Нижинский увидел, как дитя, играя с зеркалом, приближаясь к нему лицом, пока два глаза не сольются в один. И совсем другие, чудесные женские фигурки, состоящие из завитков и колечек. Среди них удивительной красоты «Бог танца». Этот новый виток творчества Нижинского дышит той же новизной и непохожестью ни на кого, что и его хореографические опыты. Всплеск, безусловно, вызванный быстро прогрессирующей болезнью, но также и насущной потребностью самовыражения художника, лишенного своего привычного ремесла, закончился так же внезапно, как и начался, — в день, когда его поместили в больницу. Там он уже ничего не писал и не рисовал.

Выставка продлится до 18 февраля.

Париж

ГАЛИНА ПОГОЖЕВА

2.11.2000.

Нижинский Вацлав